

То, что вы взяли из моих произведений,
Было лишь отходами меня самого,
Оскрёбками души,
Которые нормальный человек не принимает.

Антони Арто

В любой вещи главное — ее окончание.

Аристотель

Гостиница «У скалы» угнездилась там, где долина реки Арв сужалась, превращаясь в скалистую воронку, в трех километрах к востоку от Сагаса. Позади здания на сорок шесть комнат возвышалась столбчатая известковая стена, даже в самый разгар лета оставшаяся по большей части в тени, кое-где за скалу цеплялась чахлая растительность, укрытая от солнца серыми и белыми пиками Савойских Альп. Круглый год здесь царил холод: потоки ледяного воздуха стекали с заснеженных вершин, особенно сильные этим апрелем 2008-го, когда весна все тянула со своим приходом.

Время близилось к полуночи, когда лейтенант Габриэль Москато появился в гостиничном холле, одном из типичных обветшалых вестибюлей со стенами, обитыми жестким плюшем бурого цвета. Выстроившаяся на полках коллекция рождественских фигурок придавала помещению вид старого постоялого двора с сомнительной репутацией. Жандарм знал владельца этого двухзвездочного заведения: Ромуальд Таншон два года подряд предлагал его дочери работу на лето, а потом взял ее на стажировку.

Мужчины пожали друг другу руки. Хозяин уже давно не видел Габриэля Москато. Кутавшийся в темно-

синюю парку с высоко поднятым воротом, представительный лейтенант жандармерии Москато — роста в нем было почти метр девяносто, — казалось, постарел лет на десять. Сколько он уже не спал?

— Мне очень жаль насчет вашей дочери, — сказал Ромуальд Таншон. — От всего сердца надеюсь, что вы ее найдете.

Габриэлю Москато приходилось выслушивать подобные сентенции весь месяц, стоило ему показаться в Сагасе, городке с тринадцатью тысячами обитателей, напоминающем горшок, втиснутый неизвестным отцом-основателем в выемку между горами — очевидно, при помощи кирки и трамбовки. Он слышал это на всех углах, в любой лавчонке, где только появлялся. Он был сыт по горло всеобщей жалостью, но из вежливости заставлял себя кивать. В конце концов, собеседники всего лишь хотели выразить сочувствие.

— Я обхожу все заведения в окрестностях Сагаса, которые принимают приезжих. И прошу администраторов предоставить мне список тех, кто проживал у них в день исчезновения моей дочери. В случае вполне понятного отказа я вызываю бригаду, что требует немалой бюрократической возни и сильно усложняет дело. Или же все можно спокойно решить на месте, и тогда мы все в выигрыше.

Ромуальд Таншон вытащил журнал с записями о постояльцах из ящика под стойкой:

— Забудем про конфиденциальность. Если я могу помочь...

Он положил регистрационный журнал перед Габриэлем и застучал по клавиатуре компьютера.

— На дворе две тысячи восьмой год, а я до сих пор так и не привык полностью полагаться на цифровые

технологии. По-прежнему записываю бронирование в старый добрый журнал. Там все: имя, фамилия, даты заезда и выезда, вид оплаты.

Он снял один из немногих ключей, еще висевших на стене. Большинство иногородних приезжали в Сагас навестить заключенных в исправительном центре, расположенном на окраине города, где в плачевных условиях содержалось две тысячи душ. С туристической целью сюда никто не ездил. Тюрьма, больница, окружной суд и жандармерия заменяли лыжные базы.

— Я дежурю до полуночи, — добавил Таншон. — Можете занять номер двадцать девять на сколько вам будет нужно. Перед уходом, если меня здесь уже не будет, оставьте ключ в корзинке, а журнал на стойке.

— Спасибо, Ромуальд.

Губы хозяина сложились в тревожную гримасу под густыми черными усами, в которых уже виднелись седые волоски. Сороковник никого не щадит.

— Это самое меньшее, что я могу. Жюли мне очень нравилась. Поймайте сволочь, которая это сделала.

Большим пальцем он ткнул себе за спину, в сторону двери:

— Если я понадобится, нажмите кнопку вызова.

Габриэль поднялся на третий этаж. Пахло лакированным деревом и сыростью. Ночевка в таком месте вогнала бы в депрессию любого специалиста по позитивной психологии¹. Окно номера 29 выходило на скалу, высившуюся всего в двадцати метрах. Как Габриэль ни заглядывал вверх, он не увидел проблеска ни

¹ *Позитивная психология* — психологическое направление, изучающее положительные аспекты человеческой психики. Предмет исследований позитивной психологии — все, что помогает человеку достигать счастья. — *Здесь и далее примеч. перев.*

одной звезды. Перед глазами лишь неприступная крепостная стена тьмы, за которой, он снова это слышал, исходила криком его дочь.

Тридцать два дня ада, и по-прежнему ничего. В тот день, месяц назад, Жюли не вернулась домой вовремя. Ее горный велосипед нашли утром 9 марта, на следующий день после исчезновения девочки, на опушке густого лиственничного леса, уходящего к горным вершинам. Жюли тренировалась на склонах три раза в неделю, готовясь к гонкам в Шамони, намеченным на июль. По мнению экспертов, семнадцатилетняя девочка резко затормозила на спуске в месте, расположенном метрах в пятидесяти от стоянки дробилок для гравия, на склоне между Сагасом и плато Альбион. Велосипед обнаружили прислоненным к дереву в конце следов торможения.

Бельгийские овчарки кинологической бригады потеряли ее след у стоянки дробильных машин. Жюли была простой девочкой, дочерью жандарма и медсестры, работавшей сиделкой. Девчонка с гор, влюбленная в шахматы, природу и кино, не расстававшаяся со своим фотоаппаратом или цифровой камерой. Вертолеты с воздуха и десятки агентов пешком прочесали лес, обрывистые склоны, все плато. Водолазы обшарили русло реки, осмотрели все затоны, стволы деревьев, пни, железные обломки, способные удержать плывущее по течению тело.

Помимо поисков на местности, специальная группа из шести жандармов — и Габриэль в их числе — опросила друзей и одноклассников Жюли. Восстановили весь распорядок ее дня, собрали записи видеонаблюдения, номер за номером проанализировали данные

телефонных звонков. Вечером, в свое свободное время, когда остальные возвращались к семьям, Габриэль в одиночку обходил гостевые дома, пансионаты, гостиницы. Он задавал вопросы управляющим или же получал от них полный список гостей, который и копировал в свой блокнот. Похититель, если допустить, что эта версия верна, возможно, был из местных, кто-то из живущих в лесу или на высокогорных пастбищах, но он также мог быть и случайным заезжим. Не следовало пренебрегать никакими зацепками.

Номер 29 выглядел по-спартански. Стул без стола. Старый телефон с трубкой на проводе, тусклые занавески, до смешного убогая ванная, где унитаз располагался чуть ли не под душем. Никакого телевизора, зато мини-бар, щедро забитый алкоголем.

В этом заведении Жюли готовила завтраки, чистила этот старый палас. Габриэль представил себе, как она собирает простыни и полотенца. Не лучшая в мире работа, зато дочери удалось накопить карманные деньги на цифровую камеру. Кстати, эта камера две недели назад была приобщена к вещественным уликам по делу: Габриэль так и не смог найти карту памяти, в слоте ее не было. Возможно, незначительная деталь, ведь Жюли могла потерять ее или выбросить из-за повреждения. Так или иначе, карта отсутствовала, и это следовало особо отметить. В делах об исчезновениях любая малейшая аномалия становилась предметом всевозможных толкований. Каждая гипотеза требовала рассмотрения, поглощая время, деньги и человеческие ресурсы.

Габриэль Москато задернул шторы, сел на кровать, со вздохом облегчения стянул армейские ботинки на

толстой подошве. Мизинец на правой ноге кровил после долгой ходьбы по Сагасу. С мобильника он послал сообщение жене, предупреждая, что сильно задержится. Она его, конечно, не прочтет, оглушенная антидепрессантами.

Жадно поглядел на мини-бар, но решил, что сегодня вечером лучше не пить. Измотанный, он надавил костяшками больших пальцев на глаза, потом открыл журнал на странице 5 марта, за три дня до трагедии. Скрупулезно переписал личные данные всех постояльцев за семьдесят два часа, каждого из которых потом проверит по базе данных, а если потребуется, то и свяжется лично. Неблагодарная, кропотливая работа, но без нее не обойтись.

— Я отыщу тебя, Жюли. Клянусь, отыщу.

Где его дочь? Почему она затормозила на склоне, в пятидесяти метрах от стоянки для дробилок? Встретила кого-то знакомого? Бросили ли ее труп, привязав к ногам груз, на дно одного из озер или ее держат в каком-то грязном подвале в сотнях километров отсюда? Габриэль был в курсе удручающей статистики по исчезновениям. Убийственный ход времени, ломающий волю и разбивающий надежды даже самых упорных. Возможно, с течением месяцев и лет его дочь обратится лишь в имя, когда-то выкрикнутое в сердце гор.

После того как он исписал три страницы, усталость взяла свое. Габриэль пытался сопротивляться, но тщетно; тогда он лег на кровать поверх покрывала. Потом он заплакал, как плакал почти каждый вечер, иногда прижимаясь к жене, иногда свернувшись калачиком на своей стороне кровати.

Всегда ли столько думаешь о своем ребенке, когда он рядом? Любишь ли его так же сильно, как когда его рядом нет? Габриэль не знал, предыдущей жизни уже не существовало. А в той, которая наступала, оставалось только страдание. К чему бы ни привели поиски, их жизни навсегда станут иными, сломленными, иссушенными всеми слезами, что они с женой пролили. Его глаза закрылись под тяжестью печали последних дней.

Он снова открыл их, разбуженный глухим шумом. Что-то стукнуло в стекло.

Габриэль встал пошатываясь, голова кружилась. Доташился до застекленной двери. Что могло случиться? Он шагнул в дверь, ничего не понимая, — по всей логике на третьем этаже не могло быть двери, ведущей наружу, — и оказался на асфальте, на уровне паркинга за отелем.

Внезапно левое плечо пронзила острая боль. Врезавшаяся в него птица расплющилась у его ног с открытым желтым клювом. Габриэль не мог объяснить себе то, что видел. Чуть дальше валялся еще один жалкий комок перьев.

Сильные удары вдруг гулко забухали по железу машин и черепице крыши. Кутающиеся в халаты люди выглядывали из своих номеров, поднимая заспанные лица к небу. Черные плотные снаряды десятками выныривали из мрака, чтобы разбиться со звуком дробящейся плоти. Ошеломленный Габриэль отступил, укрываясь в своей комнате, в то время как его сосед в пижаме орал ему в ухо нечто вроде: «Вы видели это? Нет, вы это видели? Апокалипсис какой-то!»

Да, Габриэль это видел. Конечно видел.

Шел дождь из мертвых птиц.

Все еще полусонный, Габриэль разомкнул веки, чувствуя в пересохшем рту вязкий вкус, как наутро после пьянки. Его тело большого кузнечика лежало на животе поперек кровати на скомканных простынях, раскинув руки. Он облизал губы, с трудом повернул голову. На электронном будильнике слева высветилось 11:11.

Он выругался в подушку, все еще пропитанный испарениями своего кошмара. Эти безжизненные птицы, несущиеся с неба, разбивающиеся об асфальт и капоты машин...

Воспоминание опять вызвало дрожь. После исчезновения Жюли его сны обрели такую силу, стали настолько реалистичными... Поднявшись на ноги, Габриэль почувствовал жуткую тяжесть в голове, словно в ней собралась вся кровь его тела. Ему понадобилось секунд двадцать, чтобы все вспомнить.

Гостиница... Номер 29... Журнал...

Мелкий дождь ненастного весеннего дня постукивал по стеклу. Он огляделся. Не увидел ни своего телефона, ни журнала, ни блокнота. На полу валялась сумка с мужскими вещами, которая ему не принадлежала. На спинке стула кожаная куртка, а на прикроватном столике очки в черной оправе. Куда он дел свою темно-серую парку? Откуда взялись эти грубые замшевые сапоги в ковбойском стиле вместо его армейских ботинок?

Снаружи послышался шум мотора. Он подошел к окну и с ужасом понял, что его кошмар был реальностью. Десятки, а может, сотни птиц усыпали асфальт. Как и ночью, он толкнул створку двери — кстати, так

и оставшуюся приоткрытой — и нагнулся, чтобы прикоснуться кончиком пальца к ближайшей птице. Крошечное тело заледенело, глаза были затянуты серой пленкой. Он выпрямился, не в силах поверить в происходящее.

Только в этот момент он осознал, что находится на первом этаже, двумя этажами ниже, чем заснул накануне. Дверь, в которую он только что шагнул, позволяла входить и выходить, минуя стойку портье, как в мотелях. Он кинулся к прикроватному столику, на котором лежал ключ с большим брелоком. На белом шаре был написан номер 7.

Ладно-ладно... Не торопись и подумай. По всей видимости, он не в своей комнате. Он заснул в номере 29, а проснулся в чьем-то чужом номере. Может, у него случился приступ сомнамбулизма? В бессознательном состоянии он присутствовал при невероятной массовой гибели птиц — зрелище, достойном фильма Хичкока, — а потом снова заснул.

Он проверил содержимое мини-бара: нетронуто. Значит, он не пил. Или же надрался в своем собственном номере, прежде чем отправиться бродить по коридорам, а потом открыл первую попавшуюся дверь? Ничего подобного не случалось с ним прежде, но все последние дни коллеги советовали ему притормозить. Исчезновение, переутомление, постоянный недосып — вот мозги и переклинило, но одно совершенно точно: у этой ситуации существует рациональное объяснение.

Босиком он поднялся на третий этаж, судорожно прикидывая: если он провел часть ночи в номере 7, куда же делся тип, которому он принадлежал? Почему ковбой бросил свои вещи? В конце узкого коридора дверь с цифрой 29 на ней была заперта. Он постучал,

но безуспешно. Новый день обещал стать дерьмовым, как и предыдущие.

Вернувшись в каморку внизу, Габриэль набрал на гостиничном телефоне номер своего вечного напарника. Попал на автоответчик и оставил сообщение: *«Алло, Поль, это я. Ты не поверишь: я задремал в гостинице „У скалы“, а ночью пошел дождь из мертвых птиц. Сотни птиц падали с неба, как градины! Короче, буду в бригаде через полчаса. То есть если найду свои вещи... Потом все объясню. Чао-чао».*

Заодно он позвонил жене. Механический голос сообщил, что данный номер никому не принадлежит. Он набрал снова, тщательно следя, чтобы не ошибиться кнопкой. Тот же припев.

— Что за бардак?

Пошел по коридору к стойке администратора, где женщина лет сорока разговаривала по телефону. Она повесила трубку, не преминув бросить косой взгляд на его босые ноги.

— Мы не единственные, кто попал под град птиц, — сообщила она голосом, в котором все еще звучала паника. — Этот дождь шел повсюду вокруг гостиницы, до самого виадука на въезде в Сагас. В жизни такого не видела. Они, конечно, из той колонии.

— Из какой колонии?

— Вы же наверняка ее заметили, когда вчера подъезжали, верно? Колония скворцов по обоим берегам Арва.

Заметив округлившиеся глаза Габриэля, женщина сочла своим долгом пояснить:

— Специалисты считают, что там около семисот тысяч особей, прилетевших из Северной Европы и мигрирующих в Испанию. Три дня назад они сделали

остановку в Сагасе. В полете они выписывают невероятные фигуры в небе, а их крик слышен на сотни метров вокруг. Если вы выйдете и прислушаетесь, сами удостоверитесь.

Она увидела, что Габриэль ничего не понимает, но не стала настаивать:

— Чем могу помочь? Может, вы дверь случайно захлопнули?

— Нет, не в том дело. Вчера вечером мсье Таншон дал мне ключ от номера двадцать девять около... точно не помню, во всяком случае было уже поздно. А глаза я открыл в номере семь, и вокруг были не мои вещи. Я подумал, что со мной случился приступ сомнамбулизма или что-то в этом роде.

Она повернулась к висевшей на стене ключнице. Сняла один ключ.

— Получается, вы спустились с третьего этажа на первый, сами того не заметив, вроде зомби, выставив руки вперед? И зашли в другую комнату?

— Не вижу другого объяснения.

— А где тогда клиент из седьмого номера? В двадцать девятом?

— Не исключено.

— Быть этого не может, потому что ключ от двадцать девятого здесь. Если только он не повесил его на место, а я и не заметила... Простите, но эта история с птицами выбила меня из колеи.

Габриэль впадал во все большую растерянность. Например, он совершенно не помнил, чтобы фигурок святых на полке было так много, как и того, чтобы они отличались подобным уродством. Он был уверен, что никогда не видел эти фальшивые часы — копия с картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти», — ко-

торые растекались, словно плавленый сыр, на углу стойки. Экран компьютера выглядел сегодня больше и тоньше, чем накануне.

Эти детали вгоняли Габриэля в дурноту. Все казалось ему и похожим, и другим, будто он шел по границе между двумя мирами. Женщина положила перед ним ключ от номера 29 и начала стучать по клавиатуре. Посмотрев на экран, она бросила на жандарма вопросительный взгляд:

— Нет, нет, тут явно что-то не так. Номер, в котором вы проснулись, действительно был зарезервирован на одну ночь неким Уолтером Гаффином, и он его еще не сдал. Значит, он либо по-прежнему в гостинице, либо вышел посмотреть, что происходит с птицами, но скоро должен вернуться. Зато у меня не отмечено резервирования комнаты, которую вы, по вашим словам, оплатили.

Габриэль пошевелил пальцами ног, стоя босиком на холодных плитках пола. Он хотел только одного — побыстрее покинуть это дьявольское заведение и вернуться в бригаду. За спиной дожидалась своей очереди какая-то клиентка с рюкзаком на спине. Молоденькая, темноволосая, вся в татуировках.

— Потому что мсье Таншон не внес меня ни в журнал, ни в компьютер. Он просто предоставил мне номер двадцать девять на несколько часов. Уходя, я должен был положить ключ в корзинку, но я заснул.

— Чтобы Ромуальд просто «предоставил» комнату? Да у вас больше шансов скормить вегану антрекот.

— Послушайте, не будем же мы торчать тут целую вечность. Дайте мне этот ключ, чтобы я забрал свои вещи. Я верну его через пять минут.

Сорокалетняя дама неприязненным жестом протянула ему ключ и обратилась к девице, которая уже начала проявлять нетерпение. Габриэль, весь на нервах, поднялся на этаж. Что она там несла? Какой еще «веган»? Эта гостиница его с ума сведет.

Он отпер дверь и вошел в номер 29. Пустой, с нетронутой постелью и задернутыми шторами. Пахло чистящими средствами и комнатным дезодорантом. Он подошел к окну. Скала... Внизу темные и красные пятна от падения пернатых... Ровно на этом месте он и стоял вчера перед тем, как заснуть, сомнений быть не могло. Он тогда присел на матрас с журналом в руке и скрупулезно переписал данные клиентов в свой блокнот.

Заглянул под кровать, потом в ящик прикроватного столика — на случай, если горничная убрала туда его вещи. Где этот чертов блокнот? И его жандармская форма? Куда дели его армейские башмаки?

Когда он зашел в туалетную комнату, отражение в зеркале подействовало на него как пощечина.

Это был не он.

Э

Не в силах оторваться от зеркала, Габриэль застыл лицом к лицу со своим двойником.

Нет, вообще-то, это был он, но совсем другой он: наголо выбритый череп, козлиная бородка с проседью, морщинки в углах глаз и три глубокие складки на лбу. Он приложил ладони к щекам, пальцы скользнули

к слегка обвисшему подбородку, потом к горлу, усеянному редкими поблескивающими серыми волосками.

Он, но куда более старый.

Почувствовал, что его закачало, вцепился в край раковины, чтобы не упасть. Он никогда не видел шерстяного темно-синего свитера, который сейчас обтягивал его торс. У джинсов был другой покрой. Тело стало более сухим, вытянутым, кости ключиц торчали, а на шее проступили сухожилия.

Пятясь, он отступил назад, совершенно оглушенный, чуть было не полез искать свои волосы в мусорной корзине или в стоке душа, что было верхом глупости. Где он побрил себе череп? Зачем? Что случилось с его телом?

Он невольно снова подошел к зеркалу, натянул кожу лица, прогоняя морщины. Эти миндалевидные глаза и рот с бледно-розовыми губами, безусловно, его. Ему ничего не привиделось. Все было слишком реалистичным, он находился в ясном сознании. Он, безусловно, не спал, и человек, смотревший на него из зеркала, был он сам.

Голова закружилась. Он закатал свитер, посмотрел на свой живот, выступающие мослы, чуть растянувшуюся кожу в области желудка. Собственная анатомия ужаснула его. На шее он заметил черный шнурок, на котором висел тяжелый ключ со сложной резьбой. Он ощупал его, пытаясь вспомнить, по какой причине ключ болтается у него на груди. Пустота. В панике выскочил в коридор, вцепился в мужчину, который толкал перед собой тележку, набитую постельным бельем:

— Вы убирались в двадцать девятом номере? Там оставались мои блокнот, мобильник и жандармская парка с документами в кармане.

Мужчина, лет сорока, казалось, растерялся. У него был лысеющий череп и гладкий, как сковородка, лоб. Плечи и бицепсы регбиста заросли на редкость густыми волосами. На белой майке красовалось красно-белое изображение электрической гитары. Он уставился на Габриэля, приоткрыв рот, отчего обнажились его передние зубы.

— Что за игру ты затеял?

— Мы знакомы?

Ростом не ниже Габриэля, но более кряжистый, мужчина бросил взгляд на босые ноги собеседника, затем снова вернулся к его лицу. Глаза гиганта казались двумя черными тучами на грозовом небе. В конце концов он повернул голову и сверился со своим рабочим списком:

— Да, мы были неплохо знакомы. Ты меня удивляешь. И нет, я не был в двадцать девятом, сегодня ночью его никто не занимал.

Сутулясь, он удалился со своей тележкой, не добавив больше ни слова, и исчез за одной из дверей, бросив на Габриэля последний взгляд. Почему так странно вспыхнули его глаза и откуда этот горький укоряющий тон? Мужчина сказал: «Мы были неплохо знакомы». В прошедшем времени.

Габриэль спустился в тот номер, где проснулся, и порылся в спортивной сумке. Трусы, носки, одноцветная синяя майка, туалетные принадлежности, ничего больше. В одном из карманов кожаной куртки зажигалка с выгравированной волчьей головой; в другом — чехол, застегивающийся на кнопку, для брелока автосигнализации, на цепочке которого болтались три ключа, один из них от машины. Немецкая марка. Он наклонился к сапогам. Сорок четвертый размер. Поч-

ти его — он носил сорок третий. Дрожащей рукой взялся за очки. Они идеально подошли, но никак не повлияли на зрение: он прекрасно видел что с ними, что без них.

Полная бессмыслица.

Габриэлю пришлось присесть. Сейчас он проснется и вырвется из этого длинного, бесконечного бредового туннеля. Он бродил по какому-то проклятому месту, словно в каком-то плохом фильме ужасов. В реальности не было никакого дождя из птиц. Может, даже дочь никуда не исчезала. Она ждет его дома. Они поиграют в шахматы или поедут вместе кататься на велосипедах по горным тропинкам и по лесу.

Он попытался дозвониться до своего коллеги Поля, потом до жены. «Номер не существует». Ну конечно. Это входило в набор «полный бред».

Но и дальше ходить босиком по этим коридорам глупо. Он достал из сумки носки, натянул их, потом — жуткие, но удобные сапоги. Тяжелая кожаная куртка была немного велика, но в целом села неплохо. Он отдаст эти шмотки владельцу, когда все прояснится.

Минуту спустя, с комом в горле и двумя ключами в кулаке, он плелся к регистрационной стойке.

— Отыскали в конце концов свои вещи? — спросила администраторша.

— Уолтер Гаффин так и не появился?

— Нет.

— Мне нужно поговорить с Ромуальдом Таншоном.

— Сожалею, но он на весь день уехал в Лион, у него встреча с партнерами по поводу единой системы онлайн-резервирования. Должны же мы ориентироваться и на другую клиентуру, кроме как на семьи заключенных. Я знаю, Сагас — гнилой городишко, но окрестности-то красивые. Еще бы лыжные баз...

— Послушайте, — прервал он женщину, — я лейтенант Габриэль Москато, жандарм из Сагаса. Я знаю мсье Таншона, моя дочь работала в этом заведении два лета подряд. Я приехал сюда вчера вечером, взял на время журнал регистрации клиентов и...

— Габриэль Москато? Вы... вы отец малышки, которую так и не нашли?

— Мы мобилизовали все наши силы, поиски продолжаются. Еще и месяца не прошло, мы найдем ее.

Женщина покачала головой и посмотрела на него с удивлением:

— Месяц? Но... Какое, по-вашему, сегодня число?

— Девятое... может, десятое... Да, десятое апреля. Сегодня четверг, десятое апреля.

— Десятое апреля? А какого года?

— Две тысячи восьмого.

Она долго смотрела на него, не моргая, и наконец ответила голосом, который резанул уши Габриэля с жесткостью алмаза:

— Но сегодня шестое ноября две тысячи двадцатого. Прошло двенадцать лет с тех пор, как исчезла ваша дочь.

4

Птиц было не объехать, как ни сбрасывай скорость и какие зигзаги ни выписывай.

Под низким цементного цвета небом машина жандармерии припарковалась на обширном грунтовом участке между очистной станцией, обслуживающей несколько коммун, и заводом по переработке отходов,

который было видно с дороги, если глянуть вниз. Бурые, охряные и серые насыпи, похожие на гигантские песчаные груди, выстроились преградой перед рядами сосен и редкой ольхи, вросшими в берега Арва. На заднем плане тучи спускались с горных вершин, растекаясь по обрывистым склонам густыми полосами с металлическим отливом. Возникало ощущение, будто до неба рукой подать, но пропадала надежда на погожий день. В Сагасе солнце иногда не показывалось неделями. Жители называли это затянувшееся отсутствие света «черной смертью». Черная смерть подтачивала моральный дух и приводила к резкому росту числа самоубийств, особенно осенью. Официальная статистика это подтверждала.

Капитан Поль Лакруа вышел из машины вместе с Луизой, женщиной-жандармом, которая была моложе его на четверть века. Они огляделись вокруг, заметили бесчисленные трупы пернатых.

— Орнитологи говорят, что колонию скворцов что-то напугало глубокой ночью, — пояснил Поль. — Если верить полученной информации, эти птицы в темноте почти ничего не видят. Сотни тысяч особей в панике снялись со своих ветвей и начали сталкиваться друг с другом в открытом небе, причем на площади в несколько гектаров. По свидетельствам очевидцев, это произошло где-то в десять-двадцать минут третьего.

Они присоединились к аджюдану¹ Мартини, заместителю командира группы. Тот ждал их, сложив руки на груди и дрожа. С кончика носа у него капала вода.

¹ *Аджюдан* — старший унтер-офицер французской армии. Третье унтер-офицерское звание в сухопутных войсках, ВВС и жандармерии между старшим сержантом, или квартирмейстером, и старшим аджюданом, аналог российского прапорщика.

Ветер и ноябрьская сырость хлестали по лицам, пробирались под многослойную одежду. Они пожалы друг другу руки, и пятидесятидвухлетний Бенжамен Мартини, со своей растрепанной курчавой шевелюрой отдаленно напоминавший Тома Хэнкса, указал на заросли:

— Тело нашли там. Идите за мной.

У него был глухой голос и кожа воскового оттенка, как и у большинства жителей долины. Трое жандармов обогнули насыпи и двинулись между деревьями в медленном темпе, приноравливаясь к капитану, который сильно хромал на правую ногу. Тот достал бумажный носовой платок и протянул Луизе:

— У тебя на левом локте помет скворца.

— Быть не может... Вот гадость!

Он смотрел, как она с отвращением оттирает белое пятно.

— Ты уверена, что все будет нормально? Я могу избавить тебя от остального, понимаешь?

Луиза свернула платок в комочек и засунула в карман парки.

— Зато потом будет считаться, что я прошла боевое крещение.

Молодая женщина обогнала его солдатским шагом. Походкой, выправкой и гордо вздернутым подбородком она демонстрировала свою решимость. Поль воспользовался тем, что оказался в одиночестве, чтобы помассировать правое колено, прежде чем пойти дальше. Суставы болели до чертиков, стоило воздуху насытиться влагой. То есть почти все время.

Мартини протянул им латексные перчатки.

— Некая байдарочница по имени Изабель Давини заметила тело в девять пятьдесят. Она с Альбиона.